

Глава 3. Первая встреча

Допрос был окончен, обвиняемый — оправдан и отпущен на свободу прямо из зала суда.

Жун Цзюань весело болтал с Системой в своём сознании, когда заметил, что Великий инспектор в сопровождении подчинённых уже направляется к выходу. Недолго думая, он последовал за ними.

Задача, конечно, простая, но дожить до восшествия на престол нового императора всё же нужно.

Вернись он в резиденцию канцлера, придётся постоянно быть начеку, следить за едой и питьём, чтобы не умереть от яда, да ещё и вступить в открытое противостояние с хозяйкой дома, погружаясь в трясину семейных интриг.

Одна мысль об этом нагоняла смертную тоску.

[Хитрый заяц, три норы. Малыш Жун, я целиком и полностью на твоей стороне.]

— ...Найди время и обнови себе версию.

«У хитрого зайца три норы, — Жун Цзюань решил вырыть себе ещё одну»

У входа подчинённый сурово преградил ему путь.

— Крёстный отец, — окликнул юноша, обращаясь к высокой, худой спине так, словно они были знакомы сто лет.

Великий инспектор не обернулся, лишь слегка повернул голову и приказал Бу Саню:

— Отведи его к Юйчжуну.

Что ещё за «Юйчжун», он не знал, но, судя по всему, ему предстоял четвёртый переезд за день.

Система, которой было лень обновляться, снова принялась его расхваливать:

[Малыш Жун, ты великолепен! За один день сменил четыре спальных места!]

Из резиденции канцлера в таверну, оттуда в тюрьму, а теперь снова переезд.

Меня места, рано или рано найдёшь то, где можно будет наконец обрести покой.

Жун Цзюань тоже был весьма доволен. Если оценивать по десятибалльной шкале, он поставил бы этому переезду твёрдую девятку.

По крайней мере, в одну сторону его везли в карете. Если расстояние больше пятисот метров, кто в здравом уме пойдёт пешком?

Лошади Управления по надзору были не чета рыночным клячам — быстрые и плавные. По приказу Великого инспектора Бу Сань был вынужден лично сопровождать «молодого господина».

Один вид того, как этот бездельник развалился на сиденье, вызывал у проводника непреодолимое желание вправить ему кости.

Юноша, нахмурившись, принял ещё более расслабленную позу.

Возможно, усталость на его лице была слишком очевидна, или же Бу Сань, вспомнив об отравлении, проникся толикой сочувствия. В конце концов, для человека, чьё тело медленно разъедает яд, болезненный вид был вполне естественен.

— Генерал Се вернётся ко двору самое позднее послезавтра, — предупредил он. — Он человек строгих правил, так что постарайся не попадаться ему на глаза.

«Генерал?»

— Так Юйчжун — это человек, — догадался Жун Цзюань.

— ...

Судя по благоговению в голосе Бу Саня, этот военачальник был личностью незаурядной.

Раз уж речь зашла о его будущем «домовладельце», стоило узнать побольше.

Собеседник сначала решил, что Жун Цзюань издевается, и его лицо помрачнело. Но видя, что тот продолжает расспрашивать, понял — парень и впрямь ничего не знает.

— Ты вообще из Лян? — с холодной насмешкой спросил он.

— Я — бездельник династии Лян, — серьёзно ответил Жун Цзюань. — Дни напролёт ем, пью и развлекаюсь, и дела мне нет до того, что творится за окном.

Он снова смиренно попросил рассказать о «домовладельце»:

— Прошу, просвети меня!

У Бу Саня за этот день уже не раз дёргался глаз.

Жун Цзюань мастерски выуживал информацию и вскоре получил общее представление.

Юйчжун было вторым именем генерала Се.

Се Яньчжоу в четырнадцать лет отправился на войну и всего за два года получил командование армией, совершив немало ратных подвигов. Сейчас ему было чуть за двадцать, и он ещё не был женат. По слухам, по случаю его возвращения во дворец уже готовили пышный приём, на который съедутся многие знатные вельможи со своими дочерьми.

Однако жизнь этого юного бога войны не была безоблачной. Когда ему было семь, его отец пал на поле боя, а вскоре после этого от тяжёлой болезни скончалась и мать.

Позже его усыновил Великий инспектор, соученик его отца. Пройдя через ад сражений, он постепенно раскрыл свой талант.

— На границе постоянно беспокойно, ужуны — искусные воины, даже Предыдущий император несколько раз был вынужден идти им на уступки.

Голос Бу Саня становился всё холоднее:

— Генерал Се выступает за войну, канцлер Жун — за мир. Из-за проволочек Правого канцлера мы несколько раз упускали выгодный момент для атаки.

Жун Цзюань уловил в его словах неприкрытую враждебность.

Ненависть к канцлеру распространялась и на всех, кто с ним связан. Для воинов они были как заноза в теле.

Теперь, когда Се Яньчжоу возвращался с триумфом, хорошей жизни отпрыску Жун Чэнлиня ждать не приходилось.

Карета остановилась, и тяжёлые, покрытые чёрным лаком ворота медленно отворились. Навстречу вышел управляющий с фонарём в руке.

Бу Сань спрыгнул на землю, обменялся с ним парой слов, а затем, бросив на Жун Цзюаня

взгляд, полный сочувствия, развернул лошадей и уехал, не оглядываясь.

Юноша последовал за управляющим.

Свет фонаря был тусклым, тучи скрывали луну. Огромная резиденция казалась пустой и заброшенной. Передний двор был переоборудован в тренировочную площадку, а задний был так велик, что там можно было устраивать скачки. Во всём этом не было и намёка на домашний уют.

Слуг было до смешного мало, и, судя по их выправке, все они были мастерами боевых искусств.

— Будешь жить в западном флигеле. По остальным комнатам без дела не шастай, — холодно бросил управляющий.

— Можешь не сомневаться в моей порядочности, — заверил его Жун Цзюань.

Резиденция генерала была прохладной и тихой — идеальное место для ленивого отшельника. Да ему и денег не надо, чтобы отсюда не уходить.

Когда провожатый ушёл, Жун Цзюань оглядел своё новое жилище.

Вероятно, в преддверии возвращения генерала здесь всё прибрали. Он наскоро умылся, зевнул и улёгся на кровать.

— Выключайся пораньше, завтра с утра нам ещё долги выбивать.

[Что?]

Ответа Система не получила.

Бросив эту фразу, Жун Цзюань мгновенно уснул.

На следующий день, за редким исключением, все встали рано.

Император спешил на утренний совет, народ — на работу. Сегодняшнее заседание обещало быть особенно интересным. Министры с самого утра обсуждали представление, устроенное сыном канцлера.

Жун Хэнсун на улице просился в приёмные сыновья, оказался замешан в деле об убийстве, и при этом выяснилось, что он отравлен. Каждое из этих событий само по себе было сенсацией!

В истории Лян был период, когда должность канцлера упразднили, но со времён императора Вэня её восстановили.

При нынешнем же государе власть была разделена надвое. Правый канцлер Жун Чэнлинь обладал огромным влиянием, а Великий инспектор Управления по надзору фактически был равен левому канцлеру, в то время как полномочия главы Императорского секретариата неуклонно сокращались.

Два высших сановника много лет противостояли друг другу. Один ратовал за войну, другой — за мир, и их борьба была непримиримой.

Обсуждая самые щекотливые подробности, сановники переходили на шёпот.

Великий наставник Су впервые сам подошёл к Великому инспектору.

— Слухи правдивы? — сурово спросил он.

Великий инспектор кивнул.

— Хорошо, хорошо Жун Чэнлинь, — узнав, что его дочь едва не вышла замуж за человека, дни которого сочтены, Великий наставник Су не спал всю ночь от гнева. Случись такое, на его дочь легло бы клеймо «чёрной вдовы».

Все разговоры мгновенно стихли.

За стенами зала ударили в колокол и барабаны, возвещая о прибытии Его Величества. Чиновники почтительно склонились.

Нынешний Сын Неба Чжао Шицян не унаследовал величия своего предшественника. Его внешность была заурядной, но он умел казаться дружелюбным.

С добродушным видом он опустился на драконий трон. Не успел он усесться, как Великий наставник Су выступил вперёд, намереваясь немедленно объявить импичмент Правому канцлеру.

Император, всё ещё пребывая в неге воспоминаний о вчерашней ночи с наложницей, выслушал его, но не стал торопиться с решением. Вместо этого он с преувеличенным восторгом посмотрел на Великого инспектора.

— Поздравляю, любезный подданный, с обретением сына.

Весь двор на мгновение замер.

За исключением канцлера, при дворе царило единовластие императора.

Раз уж Его Величество высказался, а Правый канцлер отсутствовал, никто из его сторонников не осмелился перечить государю.

Поколебавшись, министры были вынуждены выступить вперёд и хором повторить:

— Поздравляем Великого инспектора с обретением сына.

Великий инспектор, казалось, предвидел это. Он, как обычно, стоял в первых рядах, и за потоком поздравлений ясно читал мысли каждого, включая императора.

Очередная попытка замять дело, сохранить баланс при дворе.

Недавно Правый канцлер взял над ним верх, и теперь император решил снова возвысить его.

Великому инспектору стало скучно. Он вдруг с любопытством подумал, чем сейчас занят тот непредсказуемый юноша.

Солнце стояло в зените, а «обретённый сын» всё ещё нежился в постели.

Лишь когда начало припекать, он наконец соизволил подняться, неторопливо позавтракал, а затем нанял двадцать карет и отправился в путь.

Кареты аккуратно выстроились перед резиденцией канцлера.

Услышав об этом, жена Правого канцлера поспешила выйти. За один день она пережила и великую радость, и горькое разочарование.

Бог свидетель, как она обрадовалась, когда Жун Хэнсуна забрали в Управление по надзору. Но к вечеру всё перевернулось с ног на голову.

Теперь по городу поползли самые гнусные слухи, и некоторые уже открыто называли её отравительницей.

В этот момент Чжэн Вань была безмерно рада, что её муж и сын находятся не в столице. Это давало ей хоть какую-то передышку.

— Сун-эр, — обратилась она к вернувшемуся юноше, выдавив из себя улыбку. — Тебе пришлось нелегко.

Она подошла ближе и с деланой заботой произнесла:

— Не верь всему, что говорят в Управлении по надзору. Они мастера сеять раздоры.

— Да-да, — кивнул Жун Цзюань. — Матушка с самого детства была ко мне добра, я всё понимаю.

«Такой же легковёрный, как и в детстве»

Чжэн Вань вздохнула с облегчением, и в её голосе появились властные нотки.

— Я послала за тобой людей, они сказали, что Управление по надзору поселило тебя в другом месте. Если твой отец узнает, будет беда. Нужно немедленно...

Жун Цзюань, не обращая внимания на её попытки прикрыться именем отца, перебил:

— Я нашёл искусного лекаря и пока поживу вне дома. Остальное обсудим, когда отец вернётся.

Видя, что Чжэн Вань хочет возразить, он многозначительно добавил:

— Лекарь сказал, что я сейчас очень слаб и могу умереть в любой момент.

Он говорил всё с большей тревогой:

— Если со мной что-то случится в резиденции, несведущие люди могут подумать, что это ваших рук дело. Будет нехорошо... Я ведь о вас забочусь.

Чжэн Вань замерла.

Стоявшая позади пожилая служанка тоже вздрогнула. В его словах была своя логика.

С таким хрупким здоровьем он и впрямь мог умереть где угодно и когда угодно.

Разыграв сцену сыновней преданности, Жун Цзюань перешёл к делу.

— Лекарь сказал, что для моего излечения нужны редчайшие снадобья, чтобы поддерживать жизнь. Поэтому я приехал за ними.

Хозяйка дома почувствовала неладное, но не успела опомниться, как юноша уже приказал управляющему проводить его в кладовую.

Миновав галерею, они подошли к самому важному месту в резиденции.

Правый канцлер не гнушался принимать подарки. В последние десятилетия в Лян в некоторых местах даже открыто торговали должностями.

Двое слуг с трудом отворили тяжёлые ворота. Внутри громоздились горы сокровищ и нефрита. Всё сияло золотом. Жун Цзюань впервые понял, что значит «опись имущества займёт три дня».

Он приказал служанке принести стул, а сам устроился в кресле-качалке во дворе.

Солнце сегодня светило в самый раз, идеально для лёгкого загара. Редкие тени от листы падали ему на лицо. Прикрыв глаза, он начал командовать:

— Для начала принесите оленьи панты...

Служанка инстинктивно посмотрела на подошедшую госпожу.

«Всего лишь несколько трав»

Чжэн Вань кивнула.

Этот кивок развязал ему руки!

— Три шкатулки кровавого линчжи, десять корней тысячелетнего женьшеня, сто цзиней кордицепса, — Жун Цзюань, раскрыв свой «кровожадный рот», без умолку перечислял названия: — Цистанхе, золотой бич, восьмиугольный лотос, железный дендробиум...

Слуги едва поспевали за ним.

Солнце медленно смещалось. Хотя дело не касалось золота и драгоценностей, Чжэн Вань, видя, как пустеет угол кладовой, не выдержала.

— Сун-эр, — процедила она сквозь зубы, — любое лекарство в больших дозах — яд. Столько снадобий принесут тебе лишь вред.

— Лекарь особо подчеркнул, что всё это нужно для основы лекарства, — серьёзно объяснил юноша. — Иначе откуда бы я знал столько названий?

Неуч и бездельник действительно не мог за одну ночь выучить столько наименований, среди которых были и редкие травы.

— Люди узнают, что матушка пожертвовала такими сокровищами ради моего спасения, и будут тронуты.

Он сделал паузу и с усмешкой добавил:

— И если я всё же умру, все будут знать, что вы сделали всё возможное.

За годы своих странствий он мог без труда и не повторяясь назвать ещё несколько десятков ценнейших трав.

Кроме того, Жун Цзюань потребовал несколько звериных шкур, драгоценные благовония и прочее, объясняя это тем, что ему нельзя простужаться и нужно успокаивать нервы.

В итоге двадцать карет были забиты доверху. Жун Цзюань лениво поднялся и, указав на двух слуг, приказал им следовать за ним.

— Пока хватит. Если что-то понадобится, я ещё приеду.

Делая вид, что не замечает взгляда, которым мачеха, казалось, хотела его сожрать, юноша, будучи человеком дотошным, подозвал слуг.

— Эй, на крыше ведь ещё есть место. Быстро, накройте её двумя соболиными шубами.

«Такая жара, не дай бог карета простудится»

Чжэн Вань окончательно потеряла самообладание. В этот момент снаружи донёсся шум.

Ей и так некуда было выплеснуть гнев.

— Пойди посмотри, что там за шум?! — злобно бросила она.

В этом районе жили самые знатные люди столицы, и здесь строго запрещалось шуметь, тем более под звуки музыки.

Пожилая служанка поспешила на улицу и вскоре вернулась бегом.

Похоже, она разузнала что-то ещё. Что-то шепча госпоже, она бросила злорадный взгляд в сторону пасынка.

Тот же видел перед собой лишь свой караван и не прислушивался.

Цель была достигнута. Он взмахнул рукавом и зашагал прочь с таким видом, будто собирался вернуться в следующий раз.

У городских ворот гремели восторженные крики. Лян много лет была слаба, казна пуста, и чиновники ратовали за мир, едва не дойдя до уступки земель.

Эта победа имела огромное значение. Народ не мог сдерживать ликования и горячо приветствовал войско.

— Ужуны разбиты! Мы наконец-то отомстили! Говорят, генерал Се с личным отрядом напал на вражеский лагерь, сжёг их провиант и отрубил голову вождю южного племени ужунов.

— Его Величество в восторге! По его милости генералу разрешили ввести в столицу тысячу своих гвардейцев.

Какой-то книжник, видя это, кисло заметил:

— Се Яньчжоу — приёмный сын Великого инспектора. Одного поля ягоды.

— Нынешний государь слишком благоволит военачальникам, это и впрямь тревожит.

Несмотря на ратные подвиги, Се Яньчжоу был слишком жесток, за что его часто порицали учёные мужи.

Особенно его прославленная Армия в серебряных доспехах, которая оставляла за собой горы трупов, наводя ужас на врагов.

Пока шли эти пересуды, армия наконец вошла в город. Солнце скрылось за облаками.

У подножия величественных стен выстроились солдаты в тяжёлых доспехах. Тени от шлемов делали их лица непроницаемыми. Передовой отряд зорко осматривал возвышенности, опасаясь засады.

Войско двигалось в полном молчании. Горожане, собиравшиеся бросать цветы, невольно опустили руки.

Юный генерал ехал по длинной улице, держа руку на эфесе меча. Пряди его волос покачивались в такт движению коня.

Книжник, только что рассуждавший о нём, увидев на копытах коня запёкшуюся кровь, не осмелился даже поднять на него взгляд.

Сзади в клетке везли пленников, покрытых кровью. Они выкрикивали что-то на своём языке, вероятно, проклятия.

Се Яньчжоу не обернулся. Он на мгновение отпустил ножны и ударил ими по ржавым прутьям клетки. Конь испуганно шархнул, но генерал тут же натянул поводья.

От резкого рывка пленник откусил себе половину языка. Зрелище было ужасающим.

На улице воцарилась гробовая тишина.

Лишь когда войско удалилось, все почувствовали, как по спине пробежал холодок.

Армия прибыла ещё день назад, но нужно было дождаться указа и распоряжений. Его Величество уже позволил Се Яньчжоу не являться во дворец немедленно, а на завтра был назначен специальный приём.

Когда толпа поредела, один из офицеров заговорил:

— Генерал, из Управления передали, что жалованье на вторую половину года утверждено. Кроме того...

Офицер запнулся, а затем быстро и со странной интонацией добавил:

— Инспектор усыновил ещё одного. Он сейчас живёт в вашей резиденции.

Причина была неизвестна, но при известии, что сын канцлера живёт в резиденции генерала, окружающие воины испытали не столько удивление, сколько отвращение.

Хотя они и служили на границе, до них доходили слухи о дурной славе этого отпрыска. Жестокий, распутный, он помыкал слугами и угнетал народ. В их рядах были и те, кто, пострадав от его произвола и не найдя справедливости, был вынужден пойти в армию.

— Может, найдём способ... — холодно усмехнулся один из приближённых.

Но Се Яньчжоу жестом остановил его, не желая тратить время на обсуждение пустяков, и приказал продолжать доклад о военных делах.

Офицер тут же принял серьёзный вид и начал докладывать о жалованье.

Армия не задержалась на улицах. Се Яньчжоу взял с собой лишь часть личной гвардии, а остальные две тысячи солдат сопроводили пленников в столичный гарнизон.

Подъезжая к резиденции, они услышали тяжёлый скрип колёс. Офицер инстинктивно замолчал и потянулся к оружию.

Остальные тоже настороженно подняли головы.

То, что они увидели, повергло многих в изумление.

Впереди, словно река, двигался караван карет, из-за перегруза еле ползущий.

Караван уже достиг ворот резиденции генерала. Нанятые возницы суетливо разгружали поклажу, и сундуки нескончаемым потоком утекали внутри.

— Осторожнее! — командовал слуга из поместья канцлера. — Ты хоть знаешь, сколько это стоит? Продашь себя — и то не расплатишься.

— Тот ящик быстрее, лекарства нельзя долго держать на солнце.

— Найдите ещё кого-нибудь, сто цзиней кордицепса одному не поднять!

Даже сами сундуки были инкрустированы золотом и серебром. На первый взгляд казалось, что караван растянулся на несколько ли. Даже свадебный кортеж богатой невесты с его десятью ли приданого выглядел скромнее.

На глазах у ошеломлённых воинов из кареты, укрытой соболиными шубами, медленно показалась неестественно бледная рука и приподняла занавеску.

Из кареты вышел юноша в свободном красном халате, лениво обнимая только что

прихваченную нефритовую подушку.

Грива коня развеялась прямо перед его лицом. По неудачному стечению обстоятельств, карета Жун Цзюаня остановилась прямо перед конём Се Яньчжоу.

Его обдало пылью, и он едва не чихнул.

Отступив на шаг, Жун Цзюань внезапно увидел перед собой сурового, закалённого в боях воина.

«А, так это домовладелец вернулся»

Окружённый несметными сокровищами, он тут же расплылся в улыбке и любезно поздоровался:

— Доброго дня, генерал.

<http://bllate.org/book/15979/1441468>